

Гастон Д'Эрелль
ПЕСОК В ЖЕРНОВАХ:
ИЗ ГРЯЗИ

Гастон Д'Эрелль
ПЕСОК В ЖЕРНОВАХ:
ИЗ ГЯЗИ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72191464
SelfPub; 2025*

Аннотация

Проснуться в теле крепостного – в мире магии, но без сил. В мире графов, но среди грязи. Алексей отказывается принять участь "скотины". Его жалкий дар бесполезен против жестокости баронов. Когда сын господина убивает его любовь на глазах у всех, в Алексее умирает страх. Остается лишь ледяная клятва мести. Вырвавшись из деревни в вонючее логово города, он вьется крысой у ног врагов. Его оружие – воля, чужие знания и ненависть. Первый шаг к восхождению сделан. Семена бури посеяны. Правила будут сломаны.

Содержание

Глава 1: Пробуждение в Грязи	4
Глава 2: Жернова Системы	13
Глава 3: Искра Неповиновения	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гастон Д'Эрелль

ПЕСОК В ЖЕРНОВАХ: ИЗ ГРЯЗИ

Глава 1: Пробуждение в Грязи

Холод. Липкий, пронизывающий, заползающий под рваную дерюгу, служившую одеялом. Алексей открыл глаза, и мир уперся в него грязно-серой, заплесневелой стеной. Не потолок – низкий, прогнивший настил, по которому с тихим шорохом передвигались тени. Крысы. Запах ударил в ноздри, спрессованный, густой: вонь немытого тела, кислятина испорченной похлебки, прель, влажная земля и что-то еще... сладковато-гнилостное. Смерть.

Он вдохнул резко, и спазм пронзил грудь, вырвав хриплый, беззвучный кашель. Каждый мускул ныл, кости словно были вывернуты и вставлены обратно не туда. Голова раскалывалась, пульсируя в висках тупой, неумолимой болью. Где он? Больница? Авария? Последнее, что помнил – резкий свет фар, визг тормозов... а потом – эта грязь. Эта вонь.

Он попытался приподняться на локтях. Тело не слушалось, слабость валила обратно. Руки... худые, грязные, с ободранными костяшками и вросшей под ногтями черной зем-

лей. Не его руки. Он смотрел на них, не понимая. Эти руки знали только тяжесть, мозоли, боль. Чужая память, как грязный паводок, хлынула в сознание, сметая его собственные обрывки.

Имя: Лекс. Лекс-сын-Марка. Крепостной. Собственность Барона Годрика из Чернотопья. Возраст: шестнадцать зим. Болезнь... лихорадка? Или побои? От управителя Бориса... да, Борис. Толстый, потный, с плетью...

Алексей (Лекс?) застонал, схватившись за голову. Не просто память – это было его прошлое теперь. Унизительное, беспросветное. Он был никем. Меньше, чем никем. Грязь под сапогами рыцаря. Живой инструмент. Он – крепостной крестьянин в каком-то богом забытом уголке жестокого, фэнтезийного мира.

С трудом перекатившись на бок, он оглядел свое «жилище». Землянка. Грубо выкопанная яма, накрытая жердями и дерном. Пол – утоптанная, влажная земля. В углу – груда соломы, на которой он лежал. Рядом – пустая деревянная миска с остатками какой-то мутной жижи. Другой угол занимала груда тряпья – там, судя по всему, спали остальные. Сколько их? Память подсказывала: отец – Марк, молчаливый и сломленный; мать – Арина, вечно кашляющая; младшая сестренка – Катя, худущая, с большими испуганными глазами. И брат? Старший брат... Яков. Память о Якове была острой, как нож: его забрали в солдаты год назад. Больше вестей не было. Скорее всего, мертв.

На улице, за низким входом, прикрытым гнилой рогожей, слышалось мычание скотины, резкий окрик, плач ребенка. Рассвет. Значит, скоро на работу. Ужас, холодный и тошный, сжал горло. Работа. Бесконечная, каторжная. Поле. С восхода до заката. Гнуть спину под плетью управителя или под взглядом рыцаря-надсмотрщика.

Скрипнула рогожа. В землянку, сгибаясь, вошел мужчина. Высокий, но ссутулившийся, с лицом, изборожденным морщинами и безысходностью. Марк. Отец. Его глаза, тусклые и усталые, встретились с взглядом Алексея.

«Очнулся», – хрипло произнес Марк, без тени радости. Просто констатация факта. «Слава Тьме, не помер. Борис уже лютует. На ноги, Лекс. Держись. Недохни.»

Алексей хотел что-то сказать. Спросить. Завопить: «Кто я? Что это за место?» Но язык не повиновался. Только слабый стон вырвался из пересохшего горла. Марк бросил ему кусок черствого, заплесневевшего хлеба.

«Жри. Силы нужны.»

Хлеб был твердым, как камень, и горьким от плесени. Алексей грыз его, чувствуя, как крошки царапают горло. Силы... Какие силы? Тело было пустым сосудом, наполненным только болью и страхом. Он дополз до деревянного ушата с водой у входа. Вода была мутной, с плавающими соринками. Он зачерпнул горстью, с жадностью глотнул. Жидкая грязь. Но пить хотелось невыносимо.

В землянку протиснулась женщина – Арина. Кашель со-

трясал ее худое тело. Она кивнула Алексею, в ее глазах мелькнуло что-то вроде облегчения, но тут же погасло, задушенное привычной апатией. За ней, прячась за материнскую юбку, заглянула Катя. Глаза-блюдца, полные немого ужаса.

«Вставай, сынок,» – прошептала Арина, снова закашлявшись. «Борис... он сегодня злой. Не дай повода.»

Повода? Само существование здесь было поводом для побоев. Алексей (Лекс!) поднялся. Мир поплыл перед глазами. Он схватился за сырую стену землянки, чтобы не упасть. Ноги дрожали. Каждое движение отзывалось болью в мышцах, которые он не помнил, чтобы у него были. Он вышел наружу.

Утренний воздух был свеж, но не чист. Его пропитывали запахи навоза, дыма и немытого человечества. Деревня... скопление жалких, покосившихся лачуг и землянок, утопающих в грязи. Люди – тени в лохмотьях, с потухшими глазами, молча бредущие к краю поселения, где начинались бескрайние поля Барона Годрика. Серое небо низко нависло над серой землей. Ни цвета, ни надежды.

В центре, у колодца с тухлой водой, стоял Борис. Управитель. Толстый, как боров, с багровым лицом, потным и злым. На поясе – короткая, но толстая плеть с узлами. Рядом с ним – двое подручных, таких же тупых и жестоких, с дубинами.

«Шевелитесь, твари!» – рявкнул Борис, и его голос, хриплый от утреннего хмеля, заставил людей вздрогнуть и ускорить шаг. «Солнце встает, а вы, сволочи, еще сопли жуετε!»

Урожай сам себя не соберет! Марк! Твой выродок очухался? Пусть тащится, а не сдохнет – его долг еще не отработан за лечение!»

Марк молча кивнул, толкнув Алексея вперед. Лечение? Какое лечение? В памяти всплыли смутные образы: Борис, плюющий в лицо, и пинки сапогом в бок. «Лечение от ле-ни», – усмехнулся он тогда.

Алексей поплелся за отцом, спотыкаясь о корни и кочки. Поле. Черная, тяжелая земля, уходящая к горизонту. Бесконечные грядки, которые нужно было полоть. Скрюченные спины крестьян, движущиеся как заведенные механизмы. Тишина, нарушаемая только хриплым дыханием, редкими окриками надсмотрщиков да криками воронья, кружившего в поисках падали или ослабевшего.

Алексей встал на колени в холодную грязь. Его пальцы, еще не огрубевшие до состояния дерева, как у других, начали выдергивать сорняки. Каждое движение требовало невероятных усилий. Земля липла к рукам, забивалась под ногти. Солнце, пробившись сквозь серую пелену туч, начало припекать. Пот смешивался с грязью, заливал глаза. Голод, неутоленный жалким куском хлеба, сводил желудок спазмами.

Рядом, метрах в десяти, работала семья. Старик, его сын и невестка. Старик споткнулся и упал лицом в грязь. Он закашлялся, пытаясь подняться. Борис, проезжавший верхом на тощей кляче вдоль поля, заметил это.

«Ага! Разлегся, старый пес?» – гаркнул управитель, подь-

езжая. «Думаешь, барин кормит тебя за красивые глаза? Вались!»

Старик, дрожа, пытался встать. Его сын бросился помогать. Борис свистнул. Один из подручных подошел и без лишних слов врезал старику дубиной по спине. Тот вскрикнул и снова рухнул.

«Папа!» – закричал сын, бросаясь к отцу.

«А, бунтарь?» – заухмылялся Борис. «Показать, кто здесь хозяин!»

Подручный замахнулся дубиной на сына. Алексей, не думая, вскочил.

«Оставьте его!» – крикнул он, голос сорвался на хрип. «Он же просто помогает!»

Мгновенная тишина. Все замерли. Даже вороны замолчали. Сотни глаз уставились на Алексея – испуганных, недоумевающих, осуждающих. Нарушение главного правила: Не высывайся. Не обращай на себя внимания.

Борис медленно повернул лошадь. Его жирное лицо расплылось в злобной усмешке.

«О-о-о!» – протянул он с фальшивым удивлением. «Герой объявился! Лекс-сын-Марка! Очухался и сразу умничать!» Он слез с лошади, тяжело ступая по грязи, и подошел вплотную. От него несло перегаром и потом. «Ты мне правила объяснять будешь, грязь?»

Алексей почувствовал, как ноги подкашиваются от страха, но что-то внутри, чужое и свое одновременно, заставило

его не отводить взгляд. Это «что-то» было дикой, неконтролируемой яростью от несправедливости, от этого ада.

«Он старый...» – попытался сказать Алексей, но Борис не дал договорить.

Плеть свистнула в воздухе и со всей силы врезалась Алексею в плечо. Боль, острая и жгучая, пронзила тело. Он вскрикнул, согнувшись.

«Старый?!» – орал Борис, брызгая слюной. «Он – собственность барона! Как и ты! И я решаю, когда он работает, а когдадохнет! Понял, тварь?!»

Вторая плеть пришлась по спине. Третья – по ногам. Алексей упал в грязь, свернувшись калачом, пытаясь защитить голову. Удары сыпались градом. Каждый приносил новую волну огненной боли. Он слышал смех подручных, хриплое дыхание Бориса, тихие всхлипы Кати где-то вдалеке.

«Вот тебе лечение, щенок! От бунтарства!» – рычал управитель, нанося удар за ударом. «Знай свое место! Ты – грязь! Ты – ничто! Твоя жизнь – копейка! Помни это!»

Наконец Борис остановился, тяжело дыша. Плеть была липкой от крови – Алексеевой крови.

«Работать!» – проревел он на всю деревню. «Все! А этого... пусть полежит. Подумает о своем поведении. И чтоб харч ему сегодня никто не давал! Поняли?!»

Крестьяне, не глядя на Алексея, покорно вернулись к работе. Глаза опущены в землю. Ни сочувствия, ни гнева. Толь-

ко страх и... осуждение? Навлек беду. Высунулся. Сам виноват.

Алексей лежал лицом в грязи. Боль пылала на спине, плечах, ногах. Физическая боль была ничто по сравнению с болью душевной. Унижение. Беспомощность. Осознание полной, абсолютной ничтожности. Он был вещью. Его можно было бить, морить голодом, убить – и никто не пикнул бы. Никто.

Слезы жгли глаза, смешиваясь с грязью на лице. Но это были не только слезы боли. Это были слезы ярости. Глухой, бессильной, но чудовищной ярости. Он сжал кулаки, впиваясь пальцами в липкую холодную землю. Я не могу так жить. Мысль пронеслась, как молния, ослепляя. Я не могу!

И тут он почувствовал. Слабый, едва уловимый импульс. Тепло. Сконцентрированное в центре ладоней, там, где грязь въелась в кожу. Тепло, пытавшееся пробиться сквозь холод и боль. Магия? Тот самый мизерный дар, упомянутый в чужих воспоминаниях? Дар, который едва мог согреть руки в лютый мороз? Сейчас он был похож на крошечную искру в крошечной тьме. Ничтожный. Беспольный.

Но он был. Его.

Алексей прижал ладони к холодной земле. Искра тепла погасла, задавленная болью и отчаянием. Но осознание осталось. Он был здесь. Он был Лексом, крепостным крестьянином. Но внутри горела чужая душа – душа Алексея, который знал, что мир может быть другим. Который не мог принять

эту участь. Который только что вкусил всю горечь бесправия и возненавидел ее всеми фибрами своего существа.

Он поднял голову, с трудом отлепив щеку от грязи. Перед глазами проплывали лица: злобная рожа Бориса, испуганные глаза Кати, сломленная спина отца, безликая толпа крестьян, молча принявших его избиение. И бескрайнее серое поле – символ его рабства.

Я не могу так жить. Мысль уже не была криком. Она была клятвой. Тихой, но железной. Шепотом, прозвучавшим в глубине его избитой души. Я не могу. Я не буду.

Тепло в ладонях погасло окончательно. Оставив только ледяной огонь ненависти в груди и вкус грязи на губах. Пробуждение завершилось. Он осознал, где находится. Кем он стал. И первая искра бунта, посеянная болью и унижением, начала тлеть в крошечной тьме его нового существования. Искра, которой суждено было разгореться в пламя, способное спалить этот прогнивший мир дотла. Или сжечь его самого.

Глава 2: Жернова Системы

Боль была его новым одеялом. Она обволакивала его всю ночь, липкая и жгучая, не давая забыть ни на секунду о плечах Бориса. Алексей лежал на боку, боясь пошевелиться, чтобы не разбередить рваные раны на спине и плечах. Каждое дыхание отдавалось ножом в ребрах. В землянке пахло кровью, гноем и безысходностью.

Рассвет пробивался сквозь щели жердей. Марк и Арина уже поднялись, двигаясь в полутьме как призраки. Катя прижималась к Алексею, ее худенькое тельце дрожало.

«Лекс?» – прошептала она, едва слышно. «Тебе очень больно?»

Алексей хотел ответить, сказать что-то успокаивающее, но из горла вырвался лишь хрип. Он кивнул, прижавшись лбом к влажной соломе. Больно. Унизительно. Бессмысленно.

«Вставай,» – прозвучал над ним голос Марка. Тон был ровным, безжалостным. «Борис не примет болезнь в оправдание. Работать надо.»

Арина молча подошла с тряпкой и деревянной плоской с мутной жидкостью – отваром какой-то горькой травы. Она начала осторожно промокать запекшуюся кровь на его спине. Алексей стиснул зубы, чтобы не закричать. Каждая прикосновение было пыткой.

«Спасибо,» – прохрипел он.

Арина ничего не ответила. Ее лицо оставалось каменным. В ее глазах читалось лишь одно: Не дай повода снова. Ради всех нас.

Повода... Как будто он его искал! Как будто защитить старика – преступление! Ярость, черная и густая, подкатила к горлу. Он проглотил ее, как ком грязи. Бесполезно. Сейчас – бесполезно.

Он встал. Мир закачался, ноги подкосились. Марк схватил его под локоть, грубо, но удерживая. «Держись. Иди.»

Выход наружу был новой пыткой. Свет резал воспаленные глаза. Каждый шаг отзывался болью во всем теле. Он был одет в ту же рваную рубаху – корявые запекшиеся пятна крови на спине и плече бурыми коростами. Крестьяне, уже кучковавшиеся у колодца, бросали на него быстрые, испуганные взгляды и тут же отводили глаза. Ни слова сочувствия. Ни намек на солидарность. Только страх – перед ним, как перед носителем беды, и перед Борисом. Алексей почувствовал себя прокаженным.

Борис уже орал у поля. Его жирная фигура на тощей клече маячила на фоне серого неба. Он что-то кричал про ленивых тварей и скорый сбор урожая. Увидев Алексея, идущего, согнувшись, опираясь на отца, управитель злобно фыркнул.

«А, живодер! Ну что, одумался? Знаешь теперь, где твое место? В грязи! И чтоб сегодня работал как все! Никаких поблажек! Первый на полоть – последний с поля! Понял,

отродье?»

Алексей молча кивнул, уставившись в землю у своих бо-
сых ног. Грязь. Всегда грязь. Она въелась в кожу, под ногти,
в поры. Она была его миром. Гнев кипел внутри, но он сжал
кулаки до боли в костяшках и проглотил его снова. Не сей-
час. Не могу сейчас.

Работа. Бесконечная, монотонная, убивающая душу. По-
лотье. Стоять на коленях в холодной, липкой земле, выры-
вая сорняки с бесконечных грядок. Каждое движение, каж-
дый наклон – стреляющая боль в спине. Солнце, скрывшее-
ся за тучами, все равно давило тяжестью влажного воздуха.
Пот смешивался с грязью на лице, стекал по спине, разъеда-
я раны. Жажда становилась невыносимой, но до колодца бы-
ло далеко, и пить разрешалось лишь в короткий полуденный
перерыв.

Он работал, механически выдергивая сорняки, пытаясь
отключить сознание. Но мысли лезли в голову, грызучие и
черные. Как сюда попал? Почему? За что? Обрывки про-
шлой жизни – свет, тепло, чистота, свобода выбора – каза-
лись сном. Слишком ярким, чтобы быть правдой. А эта боль,
эта вонь, эта грязь – вот она, реальность. Невыносимая, но
единственная. Система. Слово из прошлого, из учебников
истории, обрело здесь плоть и кровь, плеть и голод. Жерно-
ва, перемалывающие людей в пыль. И он – одна из песчинок.

Рядом с ним, чуть впереди, работала девушка. Он видел
ее мельком вчера, в толпе. Лия. Ее движения были быст-

рыми, точными, но в них чувствовалась та же изнуряющая усталость, что и у всех. Темные волосы, выбившиеся из-под грязного платка, тонкая шея, напряженная спина под рваной одеждой. Она не оглядывалась, сосредоточенная на работе.

Вдруг она резко вскрикнула и отдернула руку. Порезалась о скрытый в земле острый камень или осколок. Темная кровь выступила на грязном пальце. Она судорожно прижала ранку к юбке, лицо исказила гримаса боли.

Инстинктивно, еще не осознавая, Алексей протянул свою тряпку – жалкий клочок, который он использовал, чтобы вытирать пот.

«Держи,» – прохрипел он.

Лия вздрогнула, как пойманный зайчонок, и резко подняла на него глаза. Большие, темные глаза, полные страха и... удивления. Она оглянулась на Бориса, который был далеко, потом снова на Алексея. Страх в ее взгляде боролся с недоверием.

«Зачем?» – прошептала она, не беря тряпку. «Тебя и так... из-за вчерашнего...»

«Все равно уже избили,» – усмехнулся Алексей горько. «А кровь остановить надо. Земля грязная.»

Она колебалась еще мгновение, потом быстрым движением схватила тряпку и прижала к порезу. Кровь сразу пропитала грязную ткань.

«Спасибо,» – пробормотала она, опустив глаза. «Но... не надо больше. Не высовывайся. Себе дороже. И... другим.»

Она кивнула в сторону других крестьян, которые украдкой наблюдали за ними.

«Потому что я – грязь?» – спросил Алексей, и в его голосе прозвучала горечь, которую он не смог сдержать.

Лия взглянула на него снова. В ее глазах мелькнуло что-то сложное – не осуждение, а скорее... понимание? Жестокое понимание правил игры.

«Потому что правила такие,» – тихо сказала она. «Нарушаешь – бьют. Выискивают. Убивают. Как твоего брата Якова.» Она замолчала, снова уткнувшись в грядку, как будто не произносила этих страшных слов. «Лучше молчи. Работай. Молись Тьме, чтобы пронесло.»

Якова... Имя брата, которого забрали в солдаты. Убит. Скорее всего, убит. Алексей почувствовал новый виток ненависти, холодной и острой. Правила. Правила, написанные кровью и поддерживаемые страхом. Правила, по которым его жизнь, жизнь Лии, жизнь старика – ничего не стоили.

Он снова погрузился в работу, но теперь краем глаза следил за Лией. Она была осторожна, как дикий зверек, каждые несколько минут оглядываясь, прислушиваясь к звукам. Но в моменты, когда думала, что на нее не смотрят, в ее позе проступала не только усталость, но и какая-то внутренняя упругость, сила, не до конца сломленная. Она напоминала травинку, пробивающуюся сквозь асфальт. Хрупкую, но упорную.

Полдень. Короткий перерыв. Жидкая похлебка из брюквы и какой-то травы, без мяса, почти без соли. Кусок черствого хлеба. Алексей, из-за вчерашнего наказания, получил только половину порции. Голод сводил желудок судорогой. Он сидел на корточках у края поля, жадно хлебая похлебку прямо из миски, не обращая внимания на ее вкус. Лия сидела неподалеку, спиной к нему, съезжившись. Другие крестьяне держались от него подальше.

Внезапно на дороге, ведущей к усадьбе барона, показалась пыль. Потом послышался топот копыт и звон металла. Все замерли, миски застыли на полпути ко рту. Даже Борис перестал жевать и настороженно вытянул шею.

Из-за поворота вылетели всадники. Человек десять. Впереди – молодой парень на крупном вороном жеребце. Парень был одет не как простой рыцарь – в тонкий, расшитый камзол, поверх которого был накинут короткий плащ из темно-синего бархата. Лицо – красивое, но холодное, с высокомерно поднятым подбородком. Волосы – светлые, аккуратно подстриженные. Артур. Сын барона Годрика.

За ним скакали рыцари в добротных кольчугах и нагрудниках, с мечами на поясах. Их лица были жесткими, профессиональными. Они смотрели на поле и крестьян с таким же отстраненным презрением, как на скот.

Артур не спешил. Он проехал вдоль края поля, его взгляд скользил по согнутым спинам, грязным лицам, жалким лохмотьям. В его глазах не было ни интереса, ни ненависти –

лишь глубокая скука и вселенское превосходство. Он был как бог, снизошедший в ад и брезгливо осматривающий его обитателей.

«Ну и сброд,» – громко, чтобы слышали, сказал он одному из рыцарей. Голос был звонким, но пустым. «Настоящая грязь. И воняет соответственно.»

Рыцарь хмыкнул в ответ. Борис, как ужаленный, бросился к ним, низко кланяясь.

«Молодой господин! Артур! Какая честь! Что привело вас в наши низины?»

Артур даже не взглянул на управителя. Его взгляд упал на группу крестьянок, пытавшихся спрятаться за спинами мужчин. В их числе была и Лия. Она прижалась к земле, стараясь стать невидимой.

«Скука, Борис, скука,» – лениво протянул Артур. «Отец заставляет учиться скучным мудростям. Нужно было развеяться. Думал, хоть постреляю кого-нибудь... но даже дичи здесь вонючей нет.» Он вздохнул, словно от невыносимой тяжести бытия. «Эй, ты!» – он вдруг ткнул хлыстом в сторону одной из женщин, не Лии. – «Сколько тебе лет?»

Женщина, трясаясь от страха, пробормотала что-то невнятное.

«Говори громче, скотина!» – гаркнул рыцарь рядом с Артуром.

«Три... тридцать, господин...» – выдавила из себя женщина.

Артур скривился. «Старая. Уродливая.» Он перевел взгляд. Его глаза остановились на Лии. Она почувствовала его взгляд, как прикосновение ледяного щупальца, и сжалась еще сильнее. «А вот эта... смотри-ка. Не совсем урод. Подними голову.»

Лия замерла. Борис заерзал.

«Ты! Девка! Слышал молодой господин? Подними рыло!» – рявкнул он.

Дрожа, Лия подняла голову. Ее лицо было бледным, глаза огромными от ужаса. Она не смотрела на Артура, уставившись куда-то в пространство перед его конем.

Артур прищурился, изучая ее. «Хм... Дичок. Но сгодится для... развлечения.» Он ухмыльнулся своим рыцарям. Те переглянулись. В их взглядах не было ни веселья, ни отвращения – лишь привычная покорность хозяину. «Возьми ее,» – кивнул Артур одному из них. – «Отведи в усадьбу. Вымой. Вечером будет потеха.»

Рыцарь двинул коня вперед. Лия вскрикнула, отпрянув назад, натываясь на других крестьян. Те молча расступились, боясь оказаться на пути. Отчаяние исказило ее лицо.

«Нет! Пожалуйста, господин! Я... я не могу!» – залепетала она, падая на колени в грязь. «У меня семья! Отец больной!»

Артур засмеялся. Звук был звонким, как брентание колокольчика, и ледяным. «Какая трогательная забота о скотине!» – воскликнул он с фальшивым умилением. «Ты – соб-

ственность моего отца. Как и твой больной папаша. Значит, и моя. Я распоряжаюсь, как хочу. Бери ее!»

Рыцарь спрыгнул с коня и шагнул к Лии. Она попыталась отползти, но он схватил ее за руку, грубо, как мешок. Лия закричала, забилась.

Алексей почувствовал, как кровь ударила в виски. Картина вчерашнего дня – избитый старик – наложилась на происходящее. Та же беспомощность. Та же жестокость. Та же система. Его тело напряглось само по себе. Он сделал шаг вперед.

Рядом с ним Марк схватил его за запястье с такой силой, что кости хрустнули.

«Сиди!» – прошипел он, и в его шепоте был смертельный ужас. «Сиди, или убьют! Убьют всех!»

Алексей посмотрел на отца. В глазах Марка не было ничего, кроме животного страха. Ни капли возмущения. Ни искры сопротивления. Только примитивная жажда выжить любой ценой. Он посмотрел на других крестьян. Глаза опущены. Лица каменные. Никто. Никто не двинется.

Лия отчаянно вырывалась, но рыцарь, смеясь, легко поднял ее и перекинул через седло своего коня, как тушку животного. Ее крики, полные ужаса и бессилия, резали воздух.

«Отлично!» – весело сказал Артур. «Хоть какое-то развлечение. Поехали!» Он круто развернул коня и, не глядя больше на поле, галопом помчался к усадьбе. Рыцари последовали за ним. Вихрь пыли накрыл крестьян.

Борис вытер пот со лба и обернулся к полю. Его лицо снова стало злобным.

«Чего раззевались, сволочи? Работать! Быстро! И чтоб никаких разговоров! Кто слово пикнет – в карцер!»

Крестьяне молча вернулись к грядкам. Лии не было. Ее пустое место зияло, как свежая рана. Никто не проронил ни слова. Ни слезы. Только согнутые спины и руки, снова тянущиеся к сорнякам. Система работала. Жернова перемалывали еще одну жизнь. Бесшумно. Эффективно.

Алексей стоял, как вкопанный, глядя в ту сторону, где исчезли всадники. Его тело дрожало. Не от страха. От ярости. Чистой, неразбавленной, безумной ярости. Она пылала в груди, сжигая боль от ран, голод, унижение. Он смотрел на спину Марка, согнувшуюся над грядкой. На Бориса, самодовольно рассевшегося на своей кляче. На замок барона, темнеющий вдалеке на холме – символ власти и безнаказанности.

Правила. Правила, по которым Лия – игрушка. По которой он – грязь. По которым его брат мертв. По которым старик избит. По которым все молчат.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Кровь выступила и смешалась с грязью. Тот самый мизерный дар, искра тепла в ладонях, попытался было вспыхнуть в ответ на ярость, но тут же погас, задавленный грузом реальности. Бесполезный.

Но ярость не гасла. Она кристаллизовалась внутри, твер-

дая и холодная, как лезвие. Алексей медленно опустился на колени в грязь. Он взял в руки сорняк с острыми листьями. Он смотрел на него, а видел лицо Артура. Высокомерное. Жестокое. Безнаказанное.

Он сжал сорняк в кулаке. Острые листья впились в кожу. Боль была ничто. Он разжал ладонь. Измятый, истекающий соком стебель упал в грязь. Алексей взял другой. И снова сжал. Сильнее.

Я не могу так жить. Мысль вернулась. Уже не шепот. Не клятва. Констатация факта. Я не буду.

Он поднял глаза и посмотрел на замок на холме. Утренний туман рассеялся. Каменные стены четко вырисовывались на фоне серого неба. Непрístupные. Враждебные. Дом его врагов.

Он медленно, с усилием, снова начал выдергивать сорняки. Каждое движение было наполнено новой силой – силой холодной, черной ненависти. Он работал. Молчал. Но внутри него что-то сломалось. Или, наоборот, встало на место. Окончательно. Необратимо. Жернова системы продолжали вращаться, но одна песчинка в них теперь была не просто песчинкой. Она была кремнем. И она жаждала искры.

Глава 3: Искра Неповиновения

Прошла неделя. Семь дней каторжного труда, боли в едва заживающих спине и плечах, и ледящего душу молчания о судьбе Лии. Она не вернулась. Никто не спрашивал. Никто не говорил. Ее имя стало запретным, как имя чумного. Пустое место на поле и в землянке ее семьи – вот и все напоминание. Система проглотила ее беззвучно, как удав заглатывает мышонка.

Алексей работал. Молча. С опущенной головой. Но внутри него бушевал вулкан. Ярость после истории с Лией не утихла. Она выжгла все остальное – страх, сомнения, жалость к себе. Осталась только холодная, твердая решимость и ненависть, как топливо. Он наблюдал. Запоминал. Каждый окрик Бориса, каждый жест рыцаря-надсмотрщика, каждый вздох покорности соседей по несчастью. Он изучал жернова, которые должны были его перемолоть.

И он думал. День и ночь. Вспоминал обрывки знаний из прошлой жизни. Не героические саги о магах и драконах, а скучные уроки истории, биологии, химии. Принципы земледелия. Примитивные, но эффективные. Все, что могло дать хоть какое-то преимущество в этом аду.

Он заметил небольшой клочок земли возле своей землянки. Не баронская земля – слишком каменистый, слишком неудобный. Никчемный пустырь, где росли только колючки

и крапива. Его семья иногда пыталась что-то там сажать, но урожай был жалким, едва окупающим семена. «Место плохое, земля тощая,» – говорил Марк. «Нечего там делать.»

Но Алексей видел не пустырь. Он видел полигон. Возможность. Риск.

Он начал украдкой. По вечерам, после изнурительного дня на баронском поле, когда другие валились с ног, он копался на этом клочке. Руками, ибо лопаты у них не было – только мотыга для основной работы. Он расчищал камни, выкорчевывал корни колючек, ворошил землю. Марк и Арина смотрели на него с немым укором и страхом.

«Лекс, что ты делаешь?» – хрипло спросил Марк на третий вечер, видя, как сын, стиснув зубы от боли в спине, пытается разбить ком глины. «Силы беречь надо. Завтра на поле...»

«Попробую что-то новое,» – коротко ответил Алексей, не отрываясь от работы. «Может, вырастет лучше.»

«Новое?» – Марк усмехнулся, звук был похож на скрежет камня. «Здесь ничего нового не бывает. Только грязь да смерть. Не выдумывай.»

Но Алексей выдумывал. Он вспомнил про севооборот, про пользу золы как удобрения (у них ее было в избытке от очага), про то, как глубокая перекопка может помочь на тяжелой почве. Он собрал всю золу, какую смог, смешал ее с гнилой листвой, которую наскреб по окраинам леса (рискуя получить плеть за «воровство» баронского валежника), и за-

копал эту смесь в землю. Он сделал что-то вроде примитивных грядок, чуть приподнятых, чтобы лучше дренировалась вода. Он посадил не только привычную брюкву, но и украденные горстями семена какой-то съедобной травы и коренья, которые обычно считались сорняками, но в его прошлом мире ценились за питательность.

Работа была каторжной. Каждый вечер он падал без сил, руки были в кровавых мозолях поверх старых ран. Но он продолжал. Это был его первый, крошечный бунт. Не против Бориса или Артура напрямую, а против устоявшегося порядка вещей. Против «так было всегда».

Прошел месяц. Баронское поле зеленело всходами, обещающая тяжелую жатву. А на клочке Алексея произошло чудо. Трава и коренья взошли густо, сильнее, чем у соседей на их жалких огородиках. Брюква дала крепкие, сочные листья – признак того, что и корнеплоды будут хорошими. Земля, казалось, ожила, отозвавшись на его усилия.

Сначала никто не замечал. Потом заметила Арина. Она молча подошла к грядкам, тронула упругий лист брюквы, сравнила его с чахлыми ростками на своем крошечном участке. В ее глазах мелькнуло нечто, похожее на надежду, но тут же погасло, задавленное страхом.

«Хорошо растет,» – прошептала она, озираясь, словно боясь, что их подслушают. «Но... Борис увидит...»

«Пусть видит,» – хмуро буркнул Алексей, поливая грядки мутной водой из ушата. Он знал, что риск велик. Но ре-

зультат окрылял. Это было доказательство. Доказательство того, что можно изменить хоть что-то. Что знание сильнее слепого подчинения.

Весть разнеслась по деревне со скоростью лесного пожара. Сначала шепотом. Потом с открытым недоверием и страхом. К землянке Марка начали подходить крестьяне. Молча. С опаской. Смотрели на зеленеющий пустырь, который перестал быть пустырем. Их лица были масками, но в глазах читалось смятение: зависть, недоверие, и... осуждение.

Первым открыто высказался старый Никита, тот самый, которого избивали дубиной. Он подошел, опираясь на палку, его спина так и не распрямилась после побоев.

«Что это у тебя, Лекс?» – спросил он, кивнув на грядки. Голос был хриплым, но в нем звучал явный упрек. «Колдовство какое?»

«Не колдовство,» – ответил Алексей, выпрямляясь. Боль в спине напомнила о себе. «Просто... по-другому землю подготовил. Золу добавил. Глубже вскопал.»

«По-другому?» – Никита усмехнулся, беззубый рот искривился. «Кто тебя, щенка, учил? Предки наши веками так пахали, как пашем! А ты выдумываешь! Навлекаешь беду!»

«Беду?» – Алексей почувствовал, как закипает гнев. «Беда уже здесь, дед Никита! Лии нет! Моего брата нет! Тебя избili за то, что упал! Разве это не беда?»

«Молчи!» – Никита вдруг зашипел, озираясь. «Не смей вспоминать! И не смей нарушать порядок! Ты – грязь! Твое

дело – молчать и работать, как все! А не умничать! Думаешь, барон позволит тебе больше урожая иметь? Отнимет! А нас всех накажет за твою глупость!»

Другие крестьяне, стоявшие поодаль, загудели в поддержку:

«Нарушаешь правила, Лекс! Все так говорят!» «Верно! Высунулся!» «Нам потом отвечать за его выдумки!» «Навлеч гнев управителя в прошлый раз, теперь еще и это!» «Пусть уберет это безобразие!»

Их шепот сливался в злобный гул осуждения. Не благодарности за возможный секрет лучшего урожая. Нет. Страха. Страха перед любым изменением. Страха перед гневом господ. Страха, что один «высочка» навлечет кару на всех. Они защищали свою жалкую, но предсказуемую нору.

Алексей смотрел на них. На эти изможденные, испуганные лица. На спину Никиты, сгорбленную под тяжестью не только лет, но и рабского духа. Его ярость сменилась чем-то новым – горьким разочарованием и презрением. Они были не просто жертвами. Они были соучастниками. Стенами этой тюрьмы.

«Правила?» – тихо, но так, что все услышали, произнес он. Его голос дрожал, но не от страха. «Правила, по которым мы – грязь? По которым нас бьют, убивают, забирают? По которым вы молчите? Эти правила?» Он плюнул в сторону их жалких огородов. «Радуйтесь своей тощей брюкве. Цепляйтесь за свои правила. Я не могу.»

Он развернулся и ушел в землянку, оставив их бубнить и качать головами. Его маленький оазис зелени теперь казался ему не победой, а символом пропасти, отделявшей его от этих людей. Они предпочитали гнить в знакомой грязи, чем рискнуть шагнуть в неизвестность, пусть и к лучшему.

На следующий день, как и предсказывала Арина, пришел Борис. Управитель подошел к грядкам, пнул сапогом крепкий росток брюквы.

«Чё это у тебя, щенок?» – спросил он, подбоченившись. «Хазу свою развел?»

«Огород, господин управитель,» – монотонно ответил Алексей, глядя в землю у ног Бориса. «Пытаюсь урожай улучшить.»

«Улучшить?» – Борис фыркнул. «Тебя кто учил агрономии, грязь? Думаешь, умнее всех?» Он наклонился, сорвал сочный лист, размял его в пальцах. «Хм... Растет и правда злее...» В его маленьких глазках мелькнул расчет. «Ладно. Пусть растет. Но учти – половина урожая – барону. Как и со всего. А если недодашь – узнаешь, почем плеть.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.